

ИСТОРИЯ

Издан архив Карла Вебера: факты против вымысла

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120016883-2

Симбирцева Татьяна Михайловна

Кандидат исторических наук, в 2005–2012 гг. — доцент Института восточных культур и антропологии РГГУ, ныне на пенсии (Москва). ORCID: 0000–0002–9030–9305.

E-mail: simtan1@yandex.ru.

Волков Сергей Владимирович

Доктор исторических наук, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт» (адрес: 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9). ORCID: 0000–0002–7417–9854. E-mail: swolkov@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021.

Аннотация:

Статья написана по случаю первой публикации летом 2021 г. в Германии уникального исторического источника — семейного архива видного российского дипломата и востоковеда Карла Ивановича Вебера (1841–1910). Значение этого события для науки трудно переоценить. С именем Вебера неразрывно связано становление и развитие российско-корейских отношений в конце XIX в. и ряд важных событий истории Кореи предколониального периода. Однако, хотя ученые разных стран пишут о его профессиональной деятельности уже многие десятилетия, личной информации о нем до настоящего времени было известно крайне мало, а его фотографий не имелось вовсе. С выходом книги С. Брэзель, которой принадлежит честь находки этого архива, исследователи впервые получили доступ к личным документам семьи Веберов и богатой коллекции его фотографий. В статье дан обзор этих материалов по книге Брэзель, рассмотрена их достоверность, не вызывающая у авторов сомнений, приведены общие сведения о деятельности Вебера в Корее и на этой основе проанализированы некоторые ошибочные представления, сложившиеся о нем в современной историографии в силу отсутствия надежной информации и резкого роста интереса к этой фигуре в последние десятилетия. По мнению авторов, опубликованные Брэзель объективные исторические свидетельства могут остановить начавшийся с 2010-х гг. процесс мифологизации личности Вебера, который выразился, в частности, в появлении его мнимых «потомков» и недостоверных изображений.

Ключевые слова:

Российско-корейские отношения в XIX в., К.И. Вебер, семейный архив, исторические фотографии, генеалогия, Коджон, русская дипломатическая миссия в Сеуле, подделки в науке.

Для цитирования:

Симбирцева Т.М., Волков С.В. Издан архив Карла Вебера: факты против вымысла // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 5. С. 113–126. DOI: 10.31857/S013128120016883-2.

«Картины жизни одного дипломата между Европой и Восточной Азией: Карл фон Вебер (1841–1910)»¹ — эта фотокнига немецкой исследовательницы Сильвии Брэзель стала в мировой историографии вторым исследованием, посвященным первому рус-

1. Bräsel Sylvia. “Bildereines Diplomatenlebenszwischen Europa und Ostasien”. Carl von Waeber (1841–1910). Erfurt: City Druck GmbH Erfurt Druckerei und Verlag, 2021. 212 s. ISBN: 978–3–9823348–0–6.

скому дипломатическому посланнику в Корею Карлу Ивановичу Веберу [нем. Karl (Carl)² Friedrich Theodor von Waeber; кор. Випхэ 韋貝, 1841–1910]. Она написана для широкого круга читателей, но, несомненно, привлечет большое внимание ученых. В ней впервые представлен до настоящего времени не известный исторический источник — семейный архив Вебера. Доступ к нему Брэзель получила, разыскав ценой упорных усилий в 2015 г. в Германии внучку дипломата — последнюю представительницу его рода. Эту ее заслугу перед наукой хотелось бы особо подчеркнуть.

Вебер — фигура для историков Кореи раннего Нового времени и русско-корейских отношений хрестоматийная. Его подпись стоит на первых официальных соглашениях, подписанных между Россией и Кореей: Договоре о дружбе и торговле (7 июля / 25 июня по старому стилю 1884 г.) и Правилах для сухопутной торговли (20/8 августа 1888 г.). Он же их и готовил, заложив тем самым основу всех будущих русско-корейских отношений. Но не только этим определяется их историческое значение. Первый из этих документов, хотя и был по содержанию почти идентичен договорам, которые до того заключили с Кореей США, Англия и Германия, стал первым договором с западным государством, который Корея подписала самостоятельно, без посредничества Китая. Второй документ не только решал насущную экономическую проблему — регулировал торговлю, которая стихийно развивалась на корейско-русской границе с середины 1860-х гг. В ходе его обсуждения были достигнуты устные договоренности с корейским правительством, которые в 1890-х гг. легли в основу русского законодательства о легальном статусе корейских переселенцев в Российское Приморье, поток которых неуклонно нарастал³. Этот ранний опыт решения вопросов массовой стихийной иммиграции имеет ценность и сегодня.

Вебер прослужил в Корею 12 лет: с 1885 г. — временным поверенным, а в 1888–1897 гг. еще и генеральным консулом. Он был одной из видных фигур на корейской политической сцене тех лет и последовательно проводил курс российского правительства на сохранение корейской государственности в условиях усиливающегося японского проникновения. Этот курс, продиктованный заботой о безопасности и стабильности дальневосточных российских границ, в полной мере отвечал и интересам Кореи, а потому время нахождения Вебера в Корею — это период значительного сближения двух государств.

Его пиком стало пребывание короля Коджона и его наследника в русской дипломатической миссии в Сеуле, под одной крышей с Вебером, в течение 375 дней (12 февраля 1896 г. — 20 февраля 1897 г.). Они бежали сюда из дворца, где они находились фактически под домашним арестом после того, как 8 октября 1895 г. в собственной спальне японскими заговорщиками и их корейскими сторонниками была убита королева Мин. Таким образом, российское диппредставительство на целый год превратилось в центр управления Кореей. Вебер был активным участником расследования убийства королев⁴, которую он и его семья лично знали.

Убийство королев⁴ было тогда еще беспрецедентным событием в мировой истории. И столь же беспрецедентным был ответ на него Коджона. Причины его бегства из дворца, покидать который корейский король имел право лишь в исключительных случаях, заключались не только в том, что он опасался за жизнь свою и наследника. Будучи га-

2. Два варианта в написании имени связаны с тем, что в свидетельстве о рождении он назван Karl, а на надгробном камне — Carl. Их фото см. в книге Брэзель с. 38 и 201.

3. См. подробно в: *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Монография. Отв. ред. *Белоглазов Г.П.* Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 94–117.

4. См. подробно в: *Нихамин В.П.* Русско-японские отношения и Корея в 1894–1898 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: Высшая дипломатическая школа МИД СССР, 1948 г. Это первая научная работа на русском языке, где рассматривалась деятельность К.И. Вебера в Корею.

рантом корейской государственности, он хотел сохранить и ее, и власть и не желал быть марионеткой в чужих руках. О его стремлении к самостоятельности и укреплению личной власти свидетельствует и тот факт, что в октябре 1897 г. Коджон провозглашает себя императором.

Так что бегство короля в русскую миссию — на территорию государства, которое наиболее убедительно на протяжении уже десяти лет показывало, в том числе через Вебера, свою приверженность политике сохранения в Корее status-quo, было хоть и неординарным, но вполне рациональным решением. Это событие было воспринято как мировая сенсация, однако со стороны Коджона оно вполне соответствовало древней тактике «бороться с варварами силами других варваров», предложенной еще в VI в. до н.э. китайским стратегом Сунь-цзы. Хотя современные российские авторы часто упоминают о «дружбе» корейских правителей с российским посланником⁵, каждый из них исполнял в этих отношениях свою работу. Действия сторон предопределялись и внутренними и международными факторами, и политическими расчетами, и традицией, и личными мотивами. Сыграли в них роль и доверительные отношения, которые установились за десять лет общения между конфуцианским монархом Коджоном и кадровым русским дипломатом и востоковедом Вебером.

Когда в феврале 1897 г. король вернулся во дворец, гарантией его безопасности стал преданный лично ему гвардейский охранный батальон, подготовленный российскими военными инструкторами. Они были приглашены в Корею при активном участии Вебера. Хотя под давлением Японии, Англии и их корейских сторонников им пришлось покинуть страну уже в марте 1898 г., их трудами была создана реальная альтернатива японскому влиянию и гарантирована, пусть и на время, стабильность дружественного правительства⁶. Вебер уехал из Кореи в августе 1897 г., и на этом его дипломатическая карьера фактически закончилась. Но и в дальнейшем, как писал он сам, «корейский император неоднократно давал мне знать, что он питает ко мне все те же чувства расположения и доверия и не забыл нравственной поддержки и услуг, оказанных мною ему, когда обстоятельства заставили его искать убежища в русской миссии и более года быть моим гостем»⁷.

Хотя сведения о профессиональной деятельности Вебера в Корее уже многие десятилетия приводятся в научных трудах на разных языках, информации о нем личного характера до настоящего времени было известно мало. Главным образом потому, что ее поиски ограничивались в основном русскими архивами, где его биографические материалы крайне скудны. Об этом писала Б.Б. Пак — автор первой посвященной ему книги «Российский дипломат К.И. Вебер и Корея», которая вышла в 2013 г. в Москве, а в 2020 г. — в переводе на корейский в Сеуле⁸. Пак обобщила опыт дипломатической работы Вебера в Корее по официальным источникам и авторским публикациям на русском языке. Однако ей не удалось найти его личных бумаг, и даже дату его кончины (8 января 1910 г.) она сообщила со ссылкой на фото семейного надгробия Веберов в немецком Интернете (с. 11). При этом дату его рождения она привела по русским архивам — 5 июля 1841 г. (с. 17), хотя на надгробии значится 17 июня 1841 г. Путаница даже в основных да-

-
5. См., напр.: *Копанева Н.П.* «Он мой и Кореи искренний доброжелатель» // *Российский посланник в Корее: Карл Вебер и его коллекции*. Каталог выставки. Отв. ред. *А.В. Головнёв*. СПб.: МАЭ РАН, 2020. С. 15.
 6. *Волков С.В.* Деятельность иностранных военных инструкторов и реформы корейской армии в конце XIX — начале XX вв. // *Российское корееведение*. Альманах. Выпуск пятый. Глав. ред. *Л.Р. Концевич*. М.: «Восток — Запад», 2007. С. 47.
 7. *Пак Б.Б.* Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. Отв. ред. *Ю.В. Ванин*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 328.
 8. 벨라 보리소브나 박 지음. 러시아 외교관 베베르와 조선 [Пак Б.Б. Российский дипломат Вебер и Корея]. 최덕규, 김종헌 옮김. 서울: 동북아재단, 2020.

тах жизни характеризует современное состояние наших знаний о Вебере. В этом плане находка Сильвией Брэзель его архива приобретает особое значение.

Несколько слов о ней: Брэзель⁹ — германист-филолог, обладатель ученой степени по немецкой литературе, до выхода на пенсию в 2018 г. преподавала в университетах разных стран Европы и Восточной Азии. Около 30 лет занимается вопросами сравнительного литературоведения и культурологии, уделяя особое внимание Корее. Также Брэзель — признанный в Германии специалист по истории ранних (1832–1932) немецко-корейских культурных отношений, лауреат Премии Ли Мирыка 2009 г., присуждаемой Немецко-корейским обществом за особый вклад в их развитие. Ее интерес к этой теме возник в середине 1990-х гг., когда она работала приглашенным адъюнкт-профессором в университете Ёнсе в Сеуле. Особое ее внимание привлекли соплеменники — забытые первопроходцы контактов европейской и дальневосточной цивилизаций. Желая извлечь их «из мусорной корзины истории» (с. 5), она приступила к поиску и изучению оставленного ими наследия и их биографий. Ныне она имеет целый ряд публикаций об этих людях, к числу которых относит и Вебера.

Как указывает Брэзель в предисловии, ее книга рассказывает об одиссее семьи немецкого дипломата Карла фон Вебера на службе Российской империи в XIX и XX вв. между Восточной Азией, особенно Кореей, и Восточной, и Западной Европой (с. 4). Поэтому правильнее сказать, что книга посвящена Карлу фон Веберу, а не К.И. Веберу. Именно так он именуется в этой книге — с фамильной приставкой «фон», указывающей на принадлежность к дворянскому сословию. Вебер получил потомственное дворянство по заслугам на российской службе с получением чина действительного статского советника в 1888 г. По правилам немецкой антропонимии, эта приставка сохраняется в именах его и членов его семьи при любом упоминании. Здесь мы называем его Вебер, поскольку ни в каких официальных русских источниках он «фон Вебером» не именуется. Это связано с тем, что по российским законам он не имел права на «фон», как получивший дворянство в России, а не за границей или внесенный в прибалтийские матрикулы.

В книге представлены около сотни ранее не публиковавшихся фотографий и два десятка документов из архивов родственных семей Вебер-Маак-Зонтаг в сопровождении комментариев Брэзель. Они отражают этапы жизни Вебера, его супруги Джени Алиде Эжени (Jenny Alide Eugenie, 1850–1921, урожденной Маак/Maack, русск. Евгения) и их потомков, а также Марии-Антуанетты Зонтаг (Marie-Antoinette Sontag, 1838–1922) — дальней родственницы, которая в качестве няни и члена семьи сопровождала Веберов в Восточной Азии. Они изображены во взаимоотношениях друг с другом, друзьями, коллегами и деятелями той эпохи. Около половины фото относится ко времени их пребывания в Корее (1885–1897). Отдельные подборки повествуют о детстве в Балтии (Вебер и его жена) и в Эльзасе (Зонтаг), а также о последних годах их жизни в Радебойле (Германия) и Каннах (Франция).

Особый интерес вызывают одиночные изображения самого Вебера — семь портретных фото, сделанных в разные годы по особым случаям. Они сенсационны, поскольку фотографий Вебера до настоящего времени не было известно. Это, в первую очередь, два парадных фотопортрета в официальном мундире с регалиями (с. 117, 132; 158). На них он представлен с лентой (красной с желтой каймой) ордена Св. Анны 1-й степени через левое плечо и звездой этого ордена на правой стороне груди. Кроме того, на шее у него виден крест ордена Св. Станислава 1-й степени, а рядом со звездой — крест ордена Св. Владимира 4-й степени. На левой стороне груди — иностранные награды, в том числе французский орден Почетного легиона. Возможно, эти портреты были сделаны по

9. Персональная страница С. Брэзель: www.dr-sylvia-braesel.de.

Фото 1. К.И. Вебер. Парадный портрет в официальном мундире с регалиями.

Предположительно 1898 г.

Воспроизведен с любезного разрешения автора С. Брэзель только для данной статьи.

Photo 1. K.I. Waeber. A ceremonial portrait in official uniform with regalia. Presumably 1898.

Reproduced with the author S. Bräsel's kind permission for this article only.

случаю награждения Вебера высшим для него орденом Св. Анны 1-й степени, который он получил 27 марта 1898 г. — вскоре после возвращения из Кореи.

Редкий групповой снимок (с. 41) запечатлел Вебера предположительно в последний год (1865) его учебы в Санкт-Петербургском университете. Вместе с тремя товарищами по учебе он стоит за выдающимся синологом В.П. Васильевым (1818–1900) и двумя другими профессорами — носителем китайского языка И. Абу-Каримовым (1800–1865) и монголоведом К. ф. Голстунским (1831–1899), сидящими за столом.

Еще один раритет — фото Вебера и его переводчика, предположительно — Ким Хоннюка, в его кабинете в русской дипмиссии в Сеуле (с. 129). Брэзель датирует его временем пребывания там Коджона. Всего ко времени этого исторического эпизода она относит пять фото. Это также портреты Вебера со свитком у входа в здание традиционного корейского типа (с. 128) и с книгой в гостиную русской миссии среди предметов искусства (с. 129) и два фото (с. 130, 131), сделанные по случаю пребывания в Сеуле начальника эскадры Тихого океана контр-адмирала Е.И. Алексеева. На них Вебер запечатлен с офицерами русского подразделения охраны Коджона, но Алексеев на них отсутствует, и их привязку к его визиту следует уточнить.

Крайне малое число фотографий этого периода показывает, как представляется, ту щепетильность, с которой Вебер отделял служебное от личного. В тот период ничего личного он не имел. Его дом и время были отданы в распоряжение высокого гостя.

а служебное выставлять напоказ он не имел права и обыкновения. Об этом качестве характера свидетельствует его архив.

Два документа напрямую связывают Вебера с Коджоном. Знаком расположения корейского короля является его подарок Веберу — собственный портрет с дарственной надписью: «Фотография великого правителя великого Чосонского государства. 505-й год со дня его основания» (с. 136). Этот портрет, датируемый 1897 г. по европейскому календарю, публикуется впервые (с. 126). Где именно он был снят и кем, неизвестно, но он очевидно профессионального качества. На нем Коджон в белом национальном костюме сидит в плетеном кресле на фоне восточной ширмы с изображениями растений и птиц и внимательно смотрит на зрителя. Этот неофициальный портрет Вебер особо ценил до конца своих дней. Он виден стоящим в рамке на снятых в 1908 г. двух фото интерьеров виллы «Корея» в Радебойле, где он жил перед кончиной в 1907–1910 гг. (с. 189, 191).

Свидетельством неформальных отношений, связывавших Вебера с Коджоном, служит приглашение на беседу с императором «за бокалом вина» на гербовом бланке, подписанное чиновником Мин Санхо и датированное 11 октября без года. Брэзель относит его к 1902 г., когда Вебер в последний раз приехал в Корею на торжества по случаю 40-летия восшествия Коджона на престол (с. 124). Приглашение представлено в оригинале (с. 135) и в переводе (с. 125) консультанта Брэзель профессора Ю Уика.

Еще один ценный документ той эпохи (с. 134) — ранее неизвестная фотография Мин Ёнхвана (1861–1905) — одного из самых влиятельных политиков и дипломатов в окружении Коджона, с которым Вебер «поддерживал очень хорошие отношения» (с. 126). В мае—июне 1896 г. Мин возглавлял корейскую делегацию на коронации русского императора Николая II. Фото, где он в холодный зимний день сидит на железнодорожной платформе, было сделано во время той поездки.

Подборка из двадцати трех фото разного формата (с. 86–97) представляет Вебера как корееведа. Заметим, что этой специальности тогда в России еще не было. Хотя другие фотографии в архиве никак не систематизированы, эти собраны в специальном альбоме в лаковой обложке с инкрустациями (с. 84–85), который Брэзель называет «Корейский альбом». Некоторые из них Вебер, видимо, сделал сам. На четырнадцать из них запечатлена природа Сеула и окрестностей 130-летней давности. Это горные пейзажи и монастыри, городские стены, ворота, дворцы, заповедные рощи на фоне гор, виды на крыши с высоты птичьего полета и др. Эти фото не имеют подписей, и пояснения к ним в книге даны известным немецким специалистом в области корейской географии профессором Эккартом Деге (Dr. Eckart Dege), которого Брэзель также пригласила к сотрудничеству. По его мнению, в снимках Вебера отразились его географические и этнографические интересы, его понимание традиционной корейской географии (с. 80). И не случайно на одном из фото «Корейского альбома» запечатлен геомант, стоящий с отвесом на холме (с. 93).

Эти фотографии и две статьи Вебера о корейском языке Брэзель справедливо называет «ценной подготовительной работой для становления корееведения в России» (с. 204). Статьи Вебера 1908 г., посвященные транскрипции корейских географических названий на кириллице¹⁰, были одним из первых шагов к созданию научного языка корееведения в нашей стране. Брэзель публикует оттиски первых страниц этих статей, хранящихся в Коллекции Пертеса исследовательской библиотеки Гота в Университете Эрфурта (с. 163).

Среди документов — свидетельства о рождении и смерти Вебера (с. 38, 196) и о рождении — его супруги (с. 45) и Зонтаг (с. 50), генеалогические древа (с. 35, 36, 43, 44); циркуляр российского МИД от 31 июля 1895 г. о назначении Вебера чрезвычайным посланником и полномочным министром в Мексику (с. 138), некрологи в прессе Радебойля (с. 197) и пр.

Подлинность найденного Брэзель архива не вызывает сомнений. Ее подтверждает его уникальное содержание, представленное достаточно подробно, хотя и без общей описи. Личность внучки удостоверяют наличие у нее этого архива, ее фамилия, генеалогическое древо и фотогалерея предков. Она начинается с двух фотографий родителей Вебера — ее прадеда Иоганна Генриха Вебера-младшего (Johann Heinrich Waeber d. J., 1800–1858) и его жены Доротеи Шарлотты (Dorothea Charlotte, 1806–1880) с рукописными подписями на обратной стороне (с. 37). Приведено также свидетельство господина Швабе, который владел одно время некогда принадлежавшей Веберам виллой «Корея» в Радебойле и организовал первый контакт Брэзель с внучкой дипломата (с. 5, 209). Как

10. Вебер К.И. О корейском языке и корейском чтении китайских иероглифов; Вебер К.И. Пробная транскрипция названий всех городов Кореи. Обе статьи были изданы как приложение к протоколу № 6, 1907 г., Императорского русского географического общества, картографическая комиссия (на правах рукописи).

будет показано ниже, разговор о подлинности в данном случае уместен, так как появились люди, выдающие себя за потомков Вебера, не имея на то оснований.

Подробный рассказ об обнаружении архива (с. 5) — еще одно доказательство его подлинности. Встреча Брзель с Эббой Нитфельд-фон Вебер (Ebba Niefeld-von Waeber, 1937–2021) — внучкой и единственным здравствующим потомком знаменитого дипломата — была редкой удачей. Она произошла через 105 лет после его смерти благодаря второму позднему браку его младшего сына Ойгена (Eugen, 1879–1952), который задержал смену поколений. Удачно и то, что архив хотя бы частично сохранился до наших дней, несмотря на две мировые войны, в которых Германия воевала против России/СССР. Эпистолярное наследие Вебера, видимо, было уничтожено в период фашизма из страха перед репрессиями. Однако сохранились разрозненные записи воспоминаний Ойгена, который ребенком жил с родителями в Корее. Нитфельд-фон Вебер сфотографирована рядом с семейной реликвией — лаковой инкрустированной ширмой, когда-то привезенной ее дедом из Кореи (с. 207). Почти полвека она хранила наследие своих предков и тем самым сделала возможным его публикацию. Эта книга посвящена ей. Она скончалась за несколько дней до выхода книги из печати, перед этим поручив Брзель публично опровергнуть ложную информацию, появившуюся в последние годы о ее деде.

Как уже упоминалось, до выхода книги Брзель фотографий Вебера не имелось. В связи с этим стоит обратить внимание на «фотографию Вебера», опубликованную Пак в книге 2013 г.¹¹ и повторенную в корейском издании (с. 416).

Человек на этой фотографии, которую Пак датирует 1878 г., не имеет даже отдаленного сходства с портретами Вебера 1870-х гг. в книге Брзель (с. 49, 63).

По ее словам, эта фотография получена от В.Ф. Вебера — потомка сына Вебера от первого брака по имени Вальтер, 1867 г. рождения, который после кончины первой жены Вебера Анны (в девичестве фон Засс) в 1868 г. и отъезда Вебера в Китай был отправлен к «бедетному брату Якобу». Пак выразила благодарность этому потомку и неким господам Просвиркиным «за неоценимую помощь в восстановлении генеалогического древа семьи К.И. Вебера»¹².

Между тем, родословная Веберов ученым хорошо известна. Она приводится, в частности, в немецком генеалогическом издании *“Baltische Ahnen-und Stammtafeln”*. 28. Jahrgang (Köln, 1986. S. 55–61). И, как свидетельствует и генеалогическое древо в книге

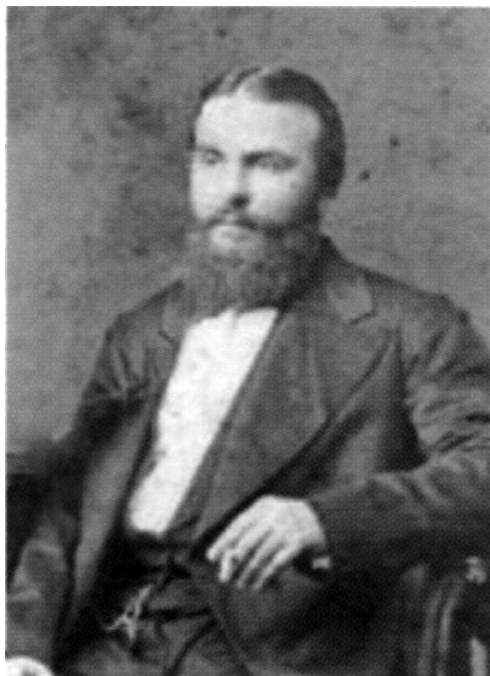

Фото 2. «Фото Вебера» с обложки книги Б.Б. Пак 2013 г.

Photo 2. “Waeber's photo” from the cover of B.B. Pak's 2013 book.

11. Обложку книги Б.Б. Пак 2013 г. с портретом см. здесь: <https://www.chitai-gorod.ru/catalog/book/1226086/> (дата обращения: 18.08.2021).

12. Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. Отв. ред. Ю.В. Ванин. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 12, 26–27.

Брзель (с. 35), у Вебера не было брата по имени Якоб, а единственного брата его отца звали Карл Герман Фридрих (Фриц). Фото с Фрицем (с. 39) — единственное, на котором Вебер изображен в детстве. Из того же древа видно, что Вебер был женат только однажды — на Евгении Маак. Хорошо известна также и родословная семьи фон Засс, согласно которой (*Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil 1,2. Livland. Görlitz, 1929. S. 872*) у генерала от кавалерии Корнилия (Конрада Генриха Иоганна) Корнильевича фон Засса (1793–1857), которого Пак назвала отцом первой жены Вебера Анны, не было дочери с таким именем. Его дочерей звали Наталия, Мария и Александра.

В изданном в Эстонии альбоме старых фотографий и журнале регистрации смертей Ревеля (совр. Таллинн, Эстония) Брзель нашла свидетельства, которые позволили ей определить личность Вальтера. Это торговец Вальтер Бернхард Вебер (Walter Bernhard Weber) из Ревеля. У него другая фамилия (Weber, а не von Waeber), он был «сыном Якоба» и родился в 1876, а не в 1867 г., как сообщает Пак. Тогда Вебер был уже четыре года женат на Евгении Маак и имел от нее сына Эрнста (1873–1917). В отличие от Брзель, Пак не привела никаких документов, подтверждающих личности ее информаторов и их связь с Карлом Вебером. Остается неизвестным, чье именно фото она от них получила и опубликовала как «фото Вебера» в 2013 г.

«Совершенно очевидно, что ловкие фальсификаторы способны манипулировать даже учеными. Это наводит на размышления и, с моей точки зрения, должно быть осуждено. В основе генеалогических фальсификаций, изготовленных так называемыми потомками, кроется то ли их стремление к утверждению собственной значимости, то ли другие мотивы. Здесь разбираться в этом не представляется возможным» (с. 6).

Выскажем свои предположения. Поиск фотографий Вебера начался, когда после установления дипотношений между СССР/Россией и Республикой Корея в 1990 г. южнокорейские историки приступили к работе в русских архивах. В 1993–2004 гг. они защитили в России 18 диссертаций по истории корейско-русских отношений¹³. Перу одного из них — Пак Чонхё — принадлежит самая первая публикация о Вебере биографического содержания. Она вышла на русском языке в журнале *Проблемы Дальнего Востока* № 6 за 1992 г. Предчувствие находки витало в воздухе.

Поиск фото был порожден, в первую очередь, научными и познавательными целями, но он имеет и политическую подоплеку. В советский период, когда СССР имел дипотношения только с КНДР, символом этих отношений был Ленин — руководитель партии большевиков, сыгравшей, как считалось, особую роль в освобождении от колониального ига народов Африки и Азии, в том числе Кореи. В постсоветский период отношениям России с Республикой Корея потребовался новый символ их давности и преемственности. Таким символом стал Вебер, чья «выдающаяся роль в становлении, развитии и упрочении русско-корейских отношений» была впервые признана российской наукой в 1998 г.¹⁴. Приемлема его фигура и для Кореи, где в общественном сознании за Вебером незримо стоит фигура Коджона, который первый, еще в 1882 г. (за два года за заключения первого русско-корейского договора), начал зондировать возможность установления официальных отношений с Россией¹⁵. Коджона и сегодня называют в Корее «прорусским

13. Цифры приводятся по библиографии: *Shulman F.J. The First Century of Doctoral Dissertations on Korea, 1903–2004. An Annotated Bibliography of Studies in Western Languages Concerned in Their Entirety or in Part with Korea* (готовится к печати в издательстве The University of Michigan Press).

14. *Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1860–1888). Книга 1. Отв. ред. Ю.В. Ванин. М.-Иркутск-СПб.: Иркутский государственный педагогический университет, 1998. С. 72.*

15. *Симбирцева Т.М. Из истории политической интриги в Корее: «тайные договоры» России с Кореей 1885 и 1886 гг. // Российское корееведение. Альманах. Выпуск третий. Глав. ред. Л.Р. Концевич. М.: Муравей, 2003. С. 181–182.*

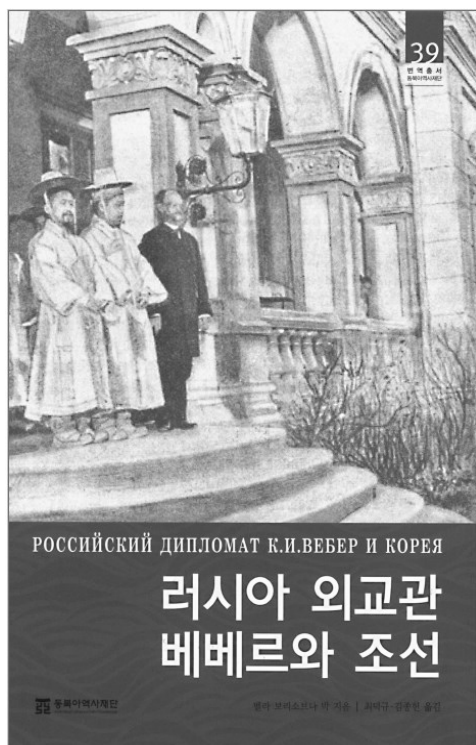

Фото 3. «Король Кореи, его наследник и Вебер» на обложке книги Пак 2020 г.¹
 Photo 3. «The King of Korea, his heir and Waeber» on the cover of B.B. Pak's 2020 book.

2020 г. Вебер изображен как человек, который выставляет свое влияние на корейского короля напоказ и, судя по тому, где он стоит (вровень с королем) и как при этом одет (в повседневный черный костюм), даже считает себя равным ему, не имея представления о социальной иерархии и придворном и дипломатическом этикете.

Эта фотография на обложке заимствована из российской газеты «Новое время» за 20 ноября (3 декабря) 1902 г. (№ 9596), хотя автор указывает источником другой номер — за 11/24 июля 1907 г. И эта ошибка не случайна. В номере за 11/24 июля 1907 г. тоже опубликована эта же фотография. Наложение двух изображений в программе «графический редактор» не оставляет сомнения в их идентичности. Однако если на фото 1902 г. рядом с корейским королем и наследным принцем на крыльце русской дипмиссии «Вебер» имеется, то на фото 1907 г. видны только королевские особы, а «Вебер» отсутствует, как и некоторые другие детали. Очевидно, что в «Новом времени» допускалось «редактирование» фотографий в соответствии с требованиями текущего момента. В связи с этим и сомнительностью его содержания возникает вопрос о подлинности фото 1902 г., без решения которого использование его в исторических исследованиях преждевремен-

монархом». Именно он является основоположником корейско-русских отношений, но вряд ли будет в обозримом будущем официально признан в этом качестве в силу целого ряда причин. Символ требует визуального воплощения. Желанием его создать в отсутствии какой-либо реальной информации, но при наличии общественного запроса и объясняется, на наш взгляд, появление в 2013 г. на обложке российского академического издания фальшивого «портрета К.И. Вебера».

Общественный запрос достиг пика в 2020 г., когда на правительственном уровне отмечалось 30-летие установления дипотношений между Россией и РК. Выход в этом году в Сеуле книги Б.Б. Пак о Вебере свидетельствует об огромных изменениях в восприятии его личности в общественном сознании южнокорейцев за последние три десятилетия. В годы холодной войны южнокорейские историки, полагаясь на английские, японские и американские источники, писали о нем как о ловком интригане, пытавшемся взятками и хитростью добиться в Корее привилегий для России¹⁶.

Вместе с тем историческая наука еще продолжает приписывать Веберу поступки, которых он не совершал, и качества, которые были ему не свойственны. Как ни парадоксально, но на обложке книги Пак

16. См. подробно в: Симбирцева Т.М. Современная (1984–2001 гг.) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИВ РАН, 2002. С. 108, 148, 158, 187, 191 и др.

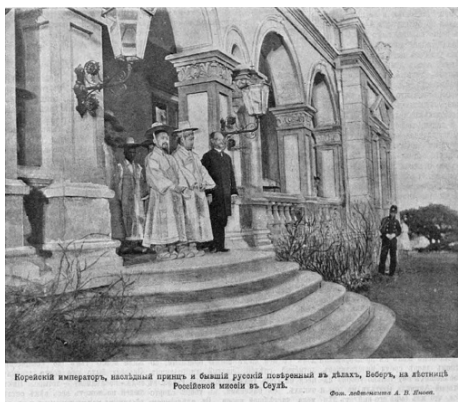

Фото 4–5. Для сравнения. Слева — фото из «Нового времени» 1902 г.,
справа — фото из той же газеты 1907 г.

Photo 4–5. For comparison. On the left is the photo from the “Novoye Vremya”, 1902.
On the right is the photo from the same newspaper, 1907.

но, несмотря на то, что человек в черном на этом фото ничем не напоминает «Вебера» из книги 2013 г. и имеет внешнее сходство с портретами дипломата в книге Брэзель.

На наш взгляд, это изображение 1902 г., хотя и представлено на обложке, абсолютно не соответствует содержанию русских архивных документов, на которых основана книга Пак. Оно скорее является иллюстрацией к справке о пребывании Коджона в русской миссии в электронной «Энциклопедии корейской национальной культуры», где это событие представлено как результат «заговора» (конмо), осуществленного Вебером и членами дворцовой прорусской группировки, а наличие у Коджона собственной политической воли фактически отрицается¹⁷. «Теорию заговора» опровергает секретная записка Коджона от 21 января 1896 г., где он спрашивает согласия Вебера и Шпейера принять его в миссии, если он туда тайком проберется вместе с наследником, и ряд других архивных документов. Часть их была опубликована в виде специальной подборки в 2004 г.¹⁸.

Косвенно эту иллюстрацию из книги Пак опровергает фото классической конфуцианской школы из «Корейского альбома» Вебера (с. 94), где ее руководитель сидит в центре, преподаватели стоят по сторонам, а ученики — за ними. Судя по нему, Вебер хорошо понимал значение социальной иерархии в корейском обществе. Еще одно аналогичное свидетельство — фотопортрет Вебера в костюме корейского лучника (с. 95). По мнению Брэзель, он мог быть сделан во время придворного конфуцианского ритуала по стрельбе из лука (с. 81). Такая церемония служила, в том числе, и утверждению порядка в обществе (социальной иерархии), поскольку стрельба осуществлялась по очереди, в соответствии со статусом стрелявшего. Эти фото дают основание считать, что Вебер ни при каких условиях не мог стоять рядом с королем. Изображение на обложке книги 2020 г. представляет его в превратном свете, ведь в конфуцианском королевстве кто-либо по определению не мог быть равен королю. Вебер нормы этого общества прекрасно знал и очень четко играл ту роль, которая ему была отведена протоколом и корейским обычаем.

Добавим, что то же самое фото из «Нового времени» 1902 г., но с новыми деталями (нечеткие фигуры людей вместо кустов у крыльца), было опубликовано как под-

17. 아관파천(俄館播遷) [Бегство Коджона в русскую дипмиссию] // 한국민족문화대백과사전.
URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0034214> (дата обращения: 24.08.2021).

18. Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец 19 века). К 120-летию установления дипломатических отношений. М.: МГИМО (У) МИД России, 2004. С. 314–359.

линный снимок полгода спустя (в декабре 2020 г.) в каталоге «Российский посланник в Корею: Карл Вебер и его коллекции», изданном Кунсткамерой в Санкт-Петербурге (№ 3, с. 15)¹⁹. В каталоге так же, как и в книге Пак, утверждается, что этот снимок опубликован впервые, а его источником назван «альбом, который ранее находился во Франции, а сейчас хранится у частного лица в Петербурге»²⁰. Проверка на подлинность и в этом случае не проводилась.

На еще одном «фото Вебера» из каталога Кунсткамеры (№ 2, с. 14) у Вебера нет одной ноги, что также наводит на мысль о фотомонтаже. Интересно и то, что, хотя в подписи к этому фото указано «лето 1896 г.», Веберы на нем одеты по-зимнему: он — в пальто и каракулеву шапку, а его супруга — в меховое манто. Выход книги Брэзель, где содержатся подлинные изображения этого дипломата, как хочется надеяться, сможет остановить поток непроверенной, а подчас и ложной информации.

Комментарии к фото в книге Брэзель написаны с привлечением массы сопутствующих сведений из дополнительных источников, обнаруженных автором в Южной Корее, Германии, России, Франции и странах Балтии (с. 5). Собранные ею выдержки из старой прессы, писем, мемуаров, а также исследовательских книг и статей на немецком, английском, русском и французском языках содержат ряд новых сведений о Вебере.

В частности, со ссылкой на Э. Амбургера она сообщает, что до поступления в 1856 г. в гимназию в г. Либаве он учился в школе в Москве (с. 28). Этим объясняется его владение русским языком как родным. Ранее считалось, что он получил хорошее домашнее образование в родительском доме.

Подборка высказываний современников о чете Вебер позволяет лучше узнать их как людей, дает представление о широком круге их общения. О нем: «Карл Вебер, известный не только в Корею как способный дипломат и любезный джентльмен» (The Korean Repository); «любящий искусство русский посланник Вебер» (Frankfurter Zeitung) (с. 111); «культурный человек и опытный дипломат» (Со Джэпхиль/Филип Джэсон) (с. 67). О практичности Вебера оставил запись немецкий путешественник Отто Элерс: «Я не хотел бы испытать суровую зиму в Корею, если только в мое распоряжение не будет предоставлено здание русской миссии, ибо только в нем, насколько я имел возможность наблюдать, есть отопительные приборы, позволяющие выдержать холод в -20 градусов по Цельсию (так низко иногда опускается здесь термометр, тогда как летом он поднимается до +37)» (с. 111).

О ней: «красноречивая и очаровательная светская дама» (Джэсон, с. 67); «была разносторонней дамой, а не просто хорошей хозяйкой... Она даже выращивала овощи в посольском саду очень нетрадиционным способом. В августе 1895 г. Салли Силл заметила, что в том году миссис Вебер собрала много бобов» (с. 112); «жена американского посланника Силла нашла друга в лице миссис Вебер. Она, в отличие от других дипломатических жен из неанглоязычных стран, очень хорошо говорила по-английски и играла на пианино» (с. 98); «ее свободное владение языками и ее талант организовывать приемы и дипломатические обеды неоднократно подчеркивали современники. У Веберов был гостеприимный дом, и они ценились в дипломатических кругах как отважные посредники» (с. 57).

Одним из открытий Брэзель являются сведения о Зонтаг, которая, приехав с семьей Вебера в Корею в 1885 г., достигла влиятельного положения церемониймейстера при корейском императорском дворе в 1899–1909 гг. Они основаны на материалах еще одного неизвестного ранее архива, который Брэзель разыскала в Каннах. Ее статьи, вы-

19. Каталог можно целиком скачать здесь: <https://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/06/978-5-88431-390-3>.

20. *Копанева Н.П.* «Он мой и Кореи искренний доброжелатель» // *Российский посланник в Корею: Карл Вебер и его коллекции*. Каталог выставки. Отв. ред. А.В. Головинёв. СПб.: МАЭ РАН, 2020. С. 14.

шедшие в 2014 г., стали первыми публикации об этой легендарной фигуре на европейском (немецком) языке. В своей книге она дополняет эти сведения, посвятив Зонтаг отдельный раздел (с. 140–153).

Хотя центральная тема книги — биография Вебера, в ней также собраны сведения по истории балтийских немцев, роли людей немецкого происхождения в науке и на административных должностях в царской России до 1918 г.; по истории Кореи и Сеула, корейской культуре и этнографии и др. Столь широкий охват разноплановых тем не способствовал их детальному изучению и привел Брэзель к ряду ошибок. Например, она сообщает, что Коджон и его сын бежали в русскую миссию из дворца Токсугун (с. 121), но фактически это был Кёнбоккун, а Токсугун тогда еще не существовал.

Однако имеющиеся в комментариях фактологические ошибки не снижают значимости этой книги, которая вводит в оборот науки новый ценный архивный источник и останавливает поток дезинформации, связанной с именем и личностью Вебера. «По моему опыту, личные фотографии и документы часто производят более стойкий эффект, чем сухие исторические факты», — пишет Брэзель (с. 7). И с нею трудно не согласиться.

Нижеследующее добавлено по настоянию С. Брэзель: «Произведение, включая все его части, защищено авторским правом. Любое его использование вне узких рамок закона об авторском праве без письменного согласия автора Сильвии Брэзель запрещено и подлежит судебному преследованию. Это касается, в частности, воспроизведения, перевода на другие языки, микрофильмирования, а также хранения и обработки в электронных системах».

Литература

- Волков С.В. Деятельность иностранных военных инструкторов и реформы корейской армии в конце XIX — начале XX вв. // *Российское корееведение*. Альманах. Выпуск пятый. М.: «Восток — Запад», 2007.
- Копанева Н.П. «Он мой и Кореи искренний доброжелатель» // *Российский посланник в Корею: Карл Вебер и его коллекции*. Каталог выставки. СПб.: МАЭ РАН, 2020.
- Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века). К 120-летию установления дипломатических отношений. М.: МГИМО (У) МИД России, 2004.
- Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1860–1888). Книга 1. М.-Иркутск-СПб.: Иркутский государственный педагогический университет, 1998.
- Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Симбирцева Т.М. Из истории политической интриги в Корею: «тайные договоры» России с Кореей 1885 и 1886 гг. // *Российское корееведение*. Альманах. Выпуск третий. М.: Муравей, 2003.
- Симбирцева Т.М. Современная (1984–2001 гг.) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИВ РАН, 2002.
- Baltische Ahnen-und Stammtafeln*. 28. Jahrgang. Köln, 1986.
- Bräsel S. Bildereines Diplomatenlebenszwischen Europa und Ostasien. Carl von Waerber (1841–1910). Erfurt: City Druck GmbH Erfurt Druckerei und Verlag, 2021.
- Bräsel S. Zum Wirken der Protestanten Karl Gutzlaff (1803–1851) und Carl von Waerber (1841–1910) für Korea // *Theology and Worldview*. July 2015. Vol. 3.
- Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. Teil 1, 2. Livland. Görlitz, 1929.
- Shulman F.J. The First Century of Doctoral Dissertations on Korea, 1903–2004. An Annotated Bibliography of Studies in Western Languages Concerned in Their Entirety or in Part with Korea (to be published in the University of Michigan Press).
- 벨라 보리스브나 박 지음. 러시아 외교관 베베르와 조선 [Пак Б.Б. Российский дипломат Вебер и Корея]. 최덕규, 김중헌 옮김. 서울: 동북아재단, 2020.
- 아관파천 (俄館播遷) [Бегство Коджона в русскую дипломатическую миссию] // 한국민족문화대백과사전. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0034214> (дата обращения: 24.08.2021).

Karl Waeber's Archive Published — Facts vs Myth-making

Tatiana M. Simbirtseva

Ph.D. (History); 2005–2012 — Assistant Professor, Institute of Oriental Cultures and Antiquity, Russian State University for the Humanities (Moscow), presently retired (Moscow). ORCID: 0000–0002–9030–9305. E-mail: simtan1@yandex.ru.

Sergei V. Volkov

Dr.Sc. (History); Expert of the Laboratory for Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (MASKI) of the National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology" (address: 141701, Moscow region, Dolgoprudny, Institutsky lane, 9). ORCID: 0000–0002–7417–9854. E-mail: swolkov@yandex.ru.

Received: 10.08.2021.

Abstract:

The article is written on the occasion of the first publication in Germany in summer 2021 of a unique historical source — the family archive of the prominent Russian diplomat and orientalist Karl Ivanovich Waeber (1841–1910). The significance of this event for science can hardly be overestimated. The history of the establishment and development of official Russian-Korean relations at the end of the 19th century, as well as a number of important events in the history of Korea in the pre-colonial period, are inextricably linked with Waeber's name. However, although historians have been writing about his professional activities for decades, very little personal information about him was known until now, and there were no photographs of him at all. With the release of the book by S. Bräsel, who is privileged to find this archive, researchers for the first time got access to the Waeber family documents and a rich collection of his photographs, which were completely unknown before. The article presents an overview of these materials by Bräsel's book, considers their authenticity, provides general information about Waeber's activities in Korea and examines some misconceptions that have developed about him in modern historiography due to the lack of reliable information and increasing interest in him in recent years. According to the authors, the objective historical evidence published by Bräsel put a barrier to the process of mythologizing Waeber's personality that began in the 2010s and is expressed, in particular, in the appearance of his imaginary "descendants" and invented images.

Key words:

Russian-Korean relations in the 19th century, Karl Waeber, family archive, historical photos, genealogy, Kojong, Russian diplomatic mission in Seoul, forgeries in science.

For citation:

Simbirtseva T.M., Volkov S.V. Karl Waeber's Archive Published — Facts vs Myth-making // *Far Eastern Studies*. 2021. No. 5. Pp. 113–126. DOI: 10.31857/S013128120016883-2.

References

- Baltische Ahnen-und Stammtafeln* [Baltic Ancestral and Family Records]. 28. Jahrgang. Köln, 1986. (In German).
- Bräsel S. *Bildereines Diplomatenlebenszwischen Europa und Ostasien. Carl von Waeber (1841–1910)* [Pictures of a Diplomat's Life Between Europe and East Asia. Carl von Waeber (1841–1910)]. Erfurt: City Druck GmbH Erfurt Druckerei und Verlag, 2021. (In German).
- Bräsel S. Zum Wirken der Protestanten Karl Gutzlaff (1803–1851) und Carl von Waeber (1841–1910) für Korea [On the Work of the Protestants Karl Gutzlaff (1803–1851) and Carl von Waeber (1841–1910) for Korea]. *Theology and Worldview*. July 2015. Vol. 3. (In German).
- Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften* [Genealogical Handbook of the Baltic Knight-hoods]. Teil 1,2. Livland. Görlitz, 1929. (In German).
- Kopaneva N.P. «On moj i Korei iskrennij dobrozhelatel'» [He is mine and Korea's sincere well-wisher]. *Rossiiskij poslannik v Koree: Karl Veber i ego kollekci. Katalog vystavki* [Russian envoy to Korea: Karl Waeber and his collections. Exhibition catalog]. St. Petersburg: MAE RAN, 2020. (In Russ.).
- Pak B.B. *Rossiiskaya diplomatiya i Koreya (1860–1888). Kniga 1* [Russian Diplomacy and Korea (1860–1888). Book 1]. Moscow-Irkutsk- St. Petersburg: Irkutskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1998. (In Russ.).

- Pak B.B.* Rossijskij diplomat K.I. Veber i Koreya [Russian Diplomat K.I. Waeber and Korea]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. (In Russ.).
- Rossiya i Koreya. Nekotorye stranicy istorii (koniec XIX veka). K 120-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij [Some Pages of History (Late 19th Century). To the 120th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii, 2004. (In Russ.).
- Simbirceva T.M.* Iz istorii politicheskoi intrigi v Koree: «tajnye dogovory» Rossii s Koreej 1885 i 1886 gg. [From the History of Political Intrigue in Korea: Russian-Korean “Secret Treaties” of 1885 and 1886]. *Rossijskoe koreevedenie*. Al'manah. Vypusk tretij. Moscow: Muravej, 2003. (In Russ.).
- Simbirceva T.M.* Sovremennaya (1984–2001 gg.) yuzhnokorejskaya istoriografiya o haraktere rannego perioda russko-korejskikh otnoshenij (do 1895 g.). Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Contemporary (1984–2001) South Korean Historiography on the Nature of the Early Period of Russian-Korean Relations (Before 1895). Ph.D. dissertation]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2002. (In Russ.).
- Shulman F.J.* The First Century of Doctoral Dissertations on Korea, 1903–2004. An Annotated Bibliography of Studies in Western Languages Concerned in Their Entirety or in Part with Korea (to be published in the University of Michigan Press).
- Volkov S.V.* Deyatel'nost' inostrannykh voennykh instruktorov i reformy korejskoj armii v konce XIX — nachale XX vv. [Foreign Military Instructors and Reforms in the Korean Army in the End of the 19th Century] // *Rossijskoe koreevedenie*. Al'manah. Vypusk pyatyj. Moscow: Vostok — Zapad, 2007. (In Russ.).
- 벨라 보리소브나 박 지음. 러시아 외교관 베베르와 조선 [*Pak B.B.* Russian diplomat Waeber and Korea]. 서울: 동북아재단, 2020. (In Korean).
- 아관파천 (俄館播遷) [Kojong's escape to the Russian diplomatic mission] // 한국민족문화 대백과사전. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0034214> (accessed: 24.08.2021). (In Korean).